

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

**ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА
В ПРОСТРАНСТВЕ:
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ, СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ
ПЕРИОДЫ**

**EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL LAW
IN SPACE:
PRE-REVOLUTIONARY, SOVIET AND POST-SOVIET (MODERN)
PERIODS**

Коняхин В.П.

*доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0002-6062-7759>*

Konyakhin V.P.

*Doctor of Law, Professor
Chief of Criminal law and criminology department
Kuban State University*

Князькина А.К.

*кандидат юридических наук
доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0002-6198-5208>*

Knyazkina A.K.

*Candidate of Law
Associate professor of Criminal law and criminology department
Kuban State University*

Аннотация: Статья посвящена анализу эволюции института действия уголовного закона в пространстве через призму дореволюционного, советского и постсоветского законодательства. При этом основной смысловой акцент сделан на Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., как одной из первых отраслевых кодификаций советского социалистического права в целом. Отмечается, что указанный нормативный правовой акт аккумулировал в себе весь дореволюционный опыт регламентации действия уголовного закона в пространстве, придав ему более лаконичную и емкую форму внешнего выражения. Констатируется также, что названный памятник права послужил в данном отношении логическим «мостиком» и нормативной базой для всех последующих уголовных кодексов советского (1922 г., 1926 г., 1960 г.) и постсоветского (1996 г.) периодов. В итоге формулируется вывод, что процесс приобретения рассматриваемым институтом своего современного уровня носил постепенный и накопительный характер, знаменуя собой прогресс и преемственность в области российского уголовного права в целом.

Ключевые слова: эволюция, институт, действие уголовного закона, пространство, Руководящие начала, уголовное право, Уголовный кодекс РФ 1996 г.

Annotation: The article analyzes the evolution of the institution of criminal law in space through the prism of pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet legislation. At the same time, the main semantic emphasis is placed on the Guiding principles of criminal law of the RSFSR in 1919, as one of the first branch

codifications of Soviet socialist law in General. It is noted that this normative legal act contained the entire pre-revolutionary experience of regulating the operation of the criminal law in space, giving it a more concise and capacious form of external expression. It is also stated that the named monument of law served in this respect as a logical "bridge" and a normative base for all subsequent criminal codes of the Soviet (1922, 1926, 1960) and post-Soviet (1996) periods. As a result, it is concluded that the process of acquiring the current level of the institution under consideration was gradual and cumulative, marking progress and continuity in the field of Russian criminal law in General.

Keywords: Evolution, Institution, Actions of the Criminal law, Territory, Guiding Principles, Criminal Law, Russian Criminal Code of 1996.

Нормативные предписания о действии уголовного закона в пространстве и по кругу лиц первоначально содержались ещё в официальном проекте Уголовного уложения 1813 г. (§ 108-§ 111 гл. 5 «О подсудности Уголовному уложению») ¹. Однако законодательное закрепление эти предписания впервые получили в Своде законов Российской Империи 1833 г. Глава VII раздела первого Книги первой тома XV «О пространстве действия уголовных законов» названного нормативного правового акта включала в себя три отделения: отделение I «О пространстве действия уголовных законов на Российских подданных» (ст. 167-172); отделение II «О пространстве действия уголовных законов на иностранцев, в России пребывающих» и отделение III «О пространстве действия уголовных законов на Российских подданных, в иностранных землях находящихся» (ст. 173-175) ².

В дальнейшем аналогичный подход российского законодателя (с незначительными различиями в терминологии и объёме нормативного регулирования) нашёл своё воплощение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ³, гл. 5 которого «О пространстве действия сего Уложения» также состояла из трех отделений: отделение 1 «О действии постановлений сего Уложения на Российских подданных в пределах государства» (ст. 173-174); отделение 2 «О действии постановлений сего Уложения на иностранцев, в пределах государства находящихся» (ст. 175-178) и отделение 3 «О действии постановлений сего Уложения на Российских подданных, находящихся вне государства» (ст. 179-181). Кроме того, особые

правила, предусмотренные в приложении IV, распространялись на так называемых инородцев, которые, будучи российскими подданными, все же имели особый статус в силу своих культурных и религиозных традиций.

Таким образом, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. весьма дифференцированно подходило к решению вопроса о распространении территориального принципа действия уголовного закона в пространстве в зависимости от национальной принадлежности виновного лица, его государственно-правового статуса и территории, где преступление было совершено. В сравнении с последним, в Уголовном уложении 1903 г. ⁴ нормативное значение корреспондирующего отделения 2 «О пространстве действия Уголовного уложения» (ст. 4-14) явно возросло. Подтверждением тому служит факт перемещения указанного отделения в начало Общей части. Это означало, что действие предписаний, помещенных в данное отделение, должно распространяться не только на Особенную часть, но и на все последующие предписания Общей части упомянутого Уложения. Логическую завершенность этому отделению придавало то обстоятельство, что оно впервые было дополнено нормативным предписанием о действии уголовного закона во времени (ст. 14).

Переходя к анализу регламентации рассматриваемого института в рамках советского периода, следует сразу отметить, что «точкой отсчета» здесь служат Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (далее – Руководящие начала) ⁵, принятые постановлением Наркомата юстиции от 12 декабря 1919 г., которые по сути явились одной из первых отраслевых кодификаций советского

¹ Проект Уголовного уложения Российской империи. СПб., 1813.

² Свод законов Российской Империи. Т. XV. Свод законов уголовных. СПб., 1833. С. 1-460.

³ См.: Российское законодательство X-XX вв. В 9 томах / под ред. О.И. Чистякова. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 171-211.

⁴ См.: Российское законодательство X-XX вв. В 9 томах / под ред. О.И. Чистякова. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 275-293.

⁵ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 57-60.

социалистического права в целом. Будущий гораздо более идеологизированным «по духу», названный нормативный правовой акт, вопреки распространенному мнению, сохранил фактическую преемственность по содержанию со своим дореволюционным предшественником. В этом убеждает его раздел VIII «О пространстве действия уголовного права», который предельно лаконично, но весьма ёмко отразил позицию по данному вопросу дореволюционного законодателя. Что же касается местоположения раздела VIII Руководящих начал «О пространстве действия уголовного права», то он по примеру книги первой тома XV Свода законов Российской Империи 1833 г. и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. завершал собой систему Общей части уголовного законодательства РСФСР. Согласно ст. 27 указанного раздела, уголовное право РСФСР действует на всем пространстве Республики как в отношении ее граждан, так и иностранцев, совершивших на ее территории преступление, а равно в отношении граждан РСФСР и иностранцев, совершивших преступление на территории иного государства, но уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР.

Отсюда очевидно, что в Руководящих началах 1919 г. были закреплены три принципа действия уголовного закона в пространстве, известные современному законодательству, – *территориальный* (действие на всем пространстве Республики как в отношении ее граждан, так и иностранцев, совершивших на ее территории преступление), *гражданства* (распространение на граждан РСФСР, совершивших преступление на территории иного государства, но уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР)⁶ и *реальный* (в

широком смысле этого слова) принцип (в силу которого к ответственности по уголовному закону РСФСР могли привлекаться иностранцы, совершившие преступление (причём, необязательно против РСФСР или её граждан) на территории иного государства, но уклонившиеся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящиеся в пределах РСФСР).

Принятые в последующем советские Уголовные кодексы не только базировались на положениях Руководящих начал 1919 г., но и развивали их. Статьи 1-4 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (далее – УК РСФСР 1922 г.)⁷ и ст. 2-5 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (далее – УК РСФСР 1926 г.)⁸ также предусматривали *территориальный* принцип и принцип *гражданства*, а кроме того – принцип *безопасности* или *реальный* (но уже в *узком смысле* этого слова) принцип, согласно которому действие Кодексов распространялось и на пребывающих в РСФСР иностранцев, совершивших вне пределов Республики только те преступления, которые были направлены против основ государственного строя и военной мощи РСФСР. В то же время Общая часть названных уголовных кодексов открывалась нормативными установлениями о действии уголовного закона в пространстве, т.е. законодатель пересмотрел своё отношение к месту расположения данного института в структуре уголовных кодексов, придав ему более значимый статус.

Раздел I «Пределы действия Уголовного кодекса» УК РСФСР 1922 г. в структурном отношении полностью соответствовал разделу VIII Руководящих начал 1919 г. «О пространстве действия уголовного права». Однако, переместившись в системе Общей части с последнего на первое место, он занял в ней подобающее своему назначению положение. Очевидно, что это произошло не без положительного влияния Уголовного уложения 1903 г.

Раздел II «Пределы действия Уголовного кодекса» Общей части УК РСФСР 1926 г., в сравнении с корреспондирующими ему разделом I Основных начал уголовного

⁶ См. также: Примаченок А.А. Истоки уголовного права как отрасли законодательства (к 100-летию принятия Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г.) // Борьба с преступностью: теория и практика. Тезисы докладов VII междунар.науч.-практ. конференции / отв. ред. Ю.П. Шкаплеров. Могилёв, 2019. С. 86; Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. становление системы уголовно-правовых запретов в советском юридическом дискурсе // LexRussica (Русский закон). 2018. № 10 (143). С. 170; Токарева С.Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // LexRussica (Русский закон). 2019. № 10 (155). С. 158.

⁷ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / под ред. И.Т.Голякова. М., 1953. С. 116–122.

⁸ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / под ред. И.Т.Голякова. М., 1953. С. 257–266.

законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и разделом I Общей части УК РСФСР 1922 г., был детализирован новым нормативным предписанием об ответственности граждан иных союзных республик за совершенные ими преступления на территории РСФСР, в равно и вне пределов Союза ССР (ст. 3).

Принятый 27 октября 1960 г. Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР 1960 г.)⁹ в ст. 4–5 предусматривал, что уголовный закон распространяется на всех лиц, совершивших преступления на территории РСФСР, а также на граждан РСФСР, совершивших преступления за ее пределами – во всех случаях, а иностранными гражданами – в случаях, предусмотренных международными договорами. Таким образом, в нём впервые закреплялся аналог известного нынешнему Уголовному кодексу РФ (далее – УК РФ) *универсального* принципа действия уголовного закона в пространстве. Кроме того, новизна УК РСФСР 1960 г. по сравнению с предыдущими кодексами в вопросах регламентации действия закона в пространстве проявлялась также в большей детализации соответствующих положений, в возможности применения уголовного кодекса к лицам без гражданства, совершившим преступление за пределами СССР, если они привлечены к уголовной ответственности или преданы суду на территории РСФСР. Кроме того, в ч. 3 ст. 5 УК РСФСР 1960 г. впервые была предусмотрена норма, согласно которой, если лица за совершенные преступления понесли наказание за границей, то суд мог соответственно смягчить назначенное им наказание или полностью освободить от его отбывания. Наконец, все перечисленные кодексы, в отличие от Руководящих начал 1919 г., содержали нормы об иммунитетах дипломатических представителей.

В настоящее время вопросы о действии уголовного закона в пространстве регламентируются в ст. 11 и 12 Уголовного кодекса РФ 1996 г. (далее – УК РФ; УК РФ 1996 г.). В ч. 1 ст. 11 последнего нашел своё законодательное закрепление *территориальный* принцип действия уголовного закона, согласно которому «лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу». Другими словами, он распространяет свое действие на всех лиц, совершивших преступление на территории России, независимо

от их принадлежности к гражданству (подданству) какого-либо государства. Тем самым подчеркивается незыблемость суверенитета Российской Федерации. К изложенному следует добавить, что Федеральным законом от 9 апреля 2007 г. № 46-ФЗ¹⁰ в ст. 11 УК РФ были внесены коррективы, направленные на терминологическое усовершенствование её редакции. В частности, понятие «территориальные воды» было заменено на понятие «территориальное море», что более точно соответствует стандартам международного права, используемым для характеристики водной территории государства.

Что касается *персонального* или *принципа гражданства*, то он предусмотрен сейчас в ст. 12 УК РФ 1996 г. Согласно ч. 1 данной статьи, граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие вне пределов Российской Федерации преступление, подлежат уголовной ответственности в соответствии с российским уголовным законодательством, если: 1) преступление направлено против интересов, охраняемых УК; 2) в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства.

Важно подчеркнуть, что положения УК РФ 1996 г., регламентирующие этот принцип, до внесения в них изменений Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ¹¹ были несколько иными. Согласно первоначальной редакции, принцип гражданства распространялся на граждан РФ и постоянно проживающих в ней лиц без гражданства, при совершении ими преступлений за пределами РФ, если совершенное ими деяние признано преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено. При этом предусматривалось, что при осуждении указанных лиц наказание не могло превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом иностранного государства, на территории которого было совершено преступление. Исходя из современной редакции ст. 12, подтверждения «двойной преступности деяния» теперь не требуется: достаточно, чтобы названные лица совершили преступление против интересов, охраняемых УК РФ. Соответственно, утратило силу и положение о

⁹ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1996.

¹⁰ Собрание законодательства РФ. 20 07. № 16. Ст. 1826.

¹¹ Собрание законодательства РФ. 2006. №31 (1 ч.). ст. 3452.

верхней границе назначаемого в этом случае наказания. Кроме того, прежняя редакция ст. 12 УК РФ предполагала отсутствие только обвинительного приговора в отношении таких лиц, ныне действующая же – отсутствие в отношении последних решения суда иностранного государства. Это существенным образом улучшает положение лиц, совершивших преступление, гарантируя им непривлечение к уголовной ответственности повторно даже в случае наличия оправдательного приговора иностранного государства.

В отличие от всех предшествующих уголовных законов (как дореволюционных, так и советских), в УК РФ 1996 г. впервые получил своё законодательное воплощение принцип *специальной миссии* (или *покровительственный принцип*)¹². В соответствии с ч. 2 ст. 12 данного кодекса, военнослужащие воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, в случае совершения ими преступления на территории иностранного государства несут уголовную ответственность по уголовному законодательству России, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации. Как правило, международными договорами предусматривается иммунитет от юрисдикции государства пребывания в следующих случаях: 1) совершение преступления в местах дислокации воинских формирований; 2) совершение преступления вне места дислокации, но в отношении лиц, входящих в состав воинских формирований; 3) совершение преступлений против военной службы; 4) совершение преступления в отношении Российской Федерации или ее граждан.

Согласно *реальному* принципу (ч. 3 ст. 12 УК РФ 1996 г.) иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, если они не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации, а

преступление, ими совершенное, направлено против: 1) интересов Российской Федерации (т.е. против государства, его органов и организаций)¹³; 2) гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства. Следует отметить, что легальное описание содержания рассматриваемого принципа было заметно модифицировано уже ранее упомянутым Федеральным законом от 27 июля 2006 г. Первоначально под действие данного принципа попадали только лица, причинившие вред исключительно интересам РФ, тогда как в настоящее время направленность возможного причинения вреда расширилась, охватив интересы гражданина РФ или постоянно проживающего в РФ лица без гражданства.

Новой чертой УК РФ 1996 г. является также положение, согласно которому, иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по УК в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации, если они не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации. Данный принцип получил наименование *универсального*, поскольку он предусматривает возможность привлечения лица к уголовной ответственности независимо от гражданства и места совершения деяния за преступления, предусмотренные международными договорами. Причем это могут быть как международные преступления (например, геноцид, агрессия, нападение на лиц, пользующихся международной защитой), так и преступления международного характера (например, торговля людьми, использование рабского труда, угон воздушного судна). Кроме того, в соответствии с Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ¹⁴ сфера действия данного принципа была распространена на случаи, предусмотренные не только международными договорами РФ, но и иными документами международного характера, содержащими обязательства, признаваемые РФ в сфере отношений, регулируемых УК РФ.

¹² В специальной литературе данный принцип иногда также именуют *оккупационным* (см., например: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012. С. 139).

¹³ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 марта 1998 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 9. С. 4–5.

¹⁴ Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

Аккумулируя изложенное, можно заключить, что эволюция института действия уголовного права в пространстве охватывает своими хронологическими рамками свыше двух столетий, т.е. дореволюционный, советский и постсоветский периоды развития нашей страны: от официального проекта Уголовного уложения 1813 г. до Уголовного кодекса РФ 1996 г. (в его редакции по состоянию на 1 февраля 2020 г.). Процесс приобретения этим институтом своего современного уровня носил постепенный и накопительный характер, знаменуя собой прогресс и преемственность в области российского уголовного права в целом¹⁵.

Список цитируемой литературы:

1. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. 348 с.
2. Примаченок А.А. Истоки уголовного права как отрасли законодательства (к 100-летию принятия Руководящих начал по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 года) // Борьба с преступностью: теория и практика. Тезисы докладов VII междунар. науч.-практ. конференции / отв. ред. Ю.П. Шкаплеров. Могилёв, 2019. С. 84–87.
3. Проект Уголовного уложения Российской империи. Часть 1. Основания уголовного права. СПб., 1813. 47 с.
4. Российское законодательство X–XX вв. В 9-ти томах / под ред. О.И. Чистякова. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 171–211.
5. Российское законодательство X–XX вв. В 9 томах / под ред. О.И. Чистякова. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 275–293.
6. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2014. 560 с.
7. Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Становление системы уголовно-правовых запретов в советском юридическом дискурсе // LexRussica (Русский закон). 2018. № 10 (143). С. 166–172.
8. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 57–60; 116–122; 257–266.
9. Токарева С.Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // LexRussica (Русский закон). 2019. № 10 (155). С. 154–160.
10. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012. 879 с.

The list of the quoted literature:

1. Konyakhin V.P. Theoretical Bases of Construction of the General Part of the Russian Criminal Law. SPb., 2002. 348p.
2. Primachenok A.A. The origins of criminal law as a branch of legislation (to the 100th anniversary of the adoption of guidelines on criminal law RSFSR. 1919) // Fight against crime: theory and practice. Abstracts of the VII international scientific and practical conference / rev. ed. Yu.P. Shkaplerov. Mogilev, 2019. P. 84–87.
3. Draft Criminal code of the Russian empire. SPb., 1813. 47p.
4. Russian legislation of the X-XX centuries in 9 volumes / ed. by O.I. Chistyakov. Vol. 6. Legislation of the first half of the XIX century. M., 1988. P. 171–211.
5. Russian legislation of the X–XX centuries in 9 volumes / ed. by O.I. Chistyakov. Vol. 9. Legislation of the era of bourgeois-democratic revolutions. M., 1994. P. 275–293.
6. Russian Criminal Law. General Part: Textbook for Universities / under the editorship of V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova. M., 2014. 560 p.
7. Skorobogatov A.V., Rybushkin N.N. Formation of the system of criminal law prohibitions in the soviet legal discourse // Lex Russica (Russian Law). 2018. № 10 (143). P. 166–172.
8. Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917–1952 / edited by I.T. Golyakov. M., 1953. P. 57–60; 116–122; 257–266.
9. Tokareva S.N. Codification of criminal law in the first years of soviet power: from continuity to independence // Lex Russica (Russian Law). 2019. № 10 (155). P. 154–160.
10. Criminal law of the Russian Federation. General part: Textbook for Universities / under the Editorship of V.S. Komissarov, N.E. Krylova, I.M. Tagcova. M., 2012. 879 p.

¹⁵ Подробней об этом см.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 39–75; Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 94–103.